

Pulse. - 2002. - апр. - 16.

Борис АКУНИН

Человек-бестселлер Борис Акунин предпочитает заниматься сетевой литературой и кинопроектами. Но не обсуждать их

Павел ЧЕРНОМОРСКИЙ, Надежда КОЖЕВНИКОВА

Борис Акунин

Взять интервью у Григория Чхартишвили (Бориса Акунина) непросто. Даже по предварительной договоренности. Даже если он сам согласился. Все равно, надо ждать часа полтора, пока закончится встреча с читателями, интернет-пользователями, книгоиздателями... Потом придется рваться сквозь пресс-толпу, накатывающую на автора исторических детективов об Эрасте Фандорине. И уж после просить тонким голосом: «Григорий Шалкович, не ответите на несколько вопросов? Вы говорили, что ответите...» – и, может быть, Григорий Шалкович пойдет навстречу. А, может, и нет! Его день расписан по минутам. Так говорят.

Трудно представить, что когда-то (никто уже непомнит, когда) свежезданные книжки Акунина-Чхартишвили лежали на прилавках, никем не замеченные. Смешно говорить об этом сейчас, – когда экранизацией его книг в России занялись Адабашян и студия Михалкова, а в Голливуде «Азазель» ставят Пол Верхуен.

Чхартишвили переживает лучшее время в своей жизни, – когда, по собственным словам, у него больше нет необходимости заниматься тем, что скучно, и не доставляет удовольствия. Переводчик Мицуми даже оставил, по слухам, занятия японистикой. Вопросы об этом и других подробностях нынешнего существования Бориса Акунина умудрились задать ему журналисты PULSE, чья жизнь пока не свободна от понятия «производственной необходимости».

Если о вас начинают говорить журналисты, то обязательно вспоминают вашу первую профессию. Японистикой как наукой больше не занимаетесь?

Я японист, но я никакой не учёный. Я никогда, по сути, наукой и не занимался. Я был критиком и эссеистом, а это совершенно другая профессия.

Говорят, вы запускаете новый сетевой проект вместе с Артемием Лебедевым. Что это такое?

Да, меня сейчас очень занимает электронный литературный проект. Он пока имеет условное название No Pulp Fiction, то есть проект этот будет посвящен безбумажной литературе. Смысл в том, что это новый тип литературы, которая в принципе не может существовать в виде бумажного текста, не может существовать на бумаге, без поддержки электронных носителей. Я занимаюсь этим проектом вместе с Артемием Лебедевым и Вячеславом Курицыным. Для начала мы готовим сборник рассказов про Эраста Фандорина, у нас пока нет финансовых возможностей сделать этот сборник на вебе полностью, и поэтому пока там будет только один рассказ. Но для того, чтобы просто продемонстрировать возможности Сети, этого достаточно. Потом, может быть, мы сможем сделать проект целиком. Это будет книга, сочетающая себе возможности простого текста, сетевой интерактивности, гипертекста, медиальности и всяких прочих сетевых штук. Причем мультимедийность тут имеет принципиальное значение, потому что какие-то вещи в этом проекте будут заложены только с расчетом на нее. Вообще, таких текстовых проектов в Сети очень много, Сеть вообще очень попу-

фото: ИНТЕРПРЕСС

лярна среди гуманитарной публики, но принципиальное отличие этого проекта в том, что здесь именно текст есть главное, это литературоцентристский проект. Там должна быть просто полноценная проза, и это самое важное.

Интернет заполнен баннерами, отсылающими к Фандорину. Вы просто работаете с молодой аудиторией или это ваше хобби? Что тут первичнее: маркетинг или ваше увлечение Интернетом?

Мне это интересно, вот и все. Главный плюс изменения профессии, именно это произошло со мной в недавнее относительно время, заключается в том, что теперь я могу заниматься тем, что мне интересно, и не заниматься тем, что мне скучно. Мне кажется, что Интернет и вообще возможности этого нового информационного пространства, расширяют возможности литературы. Мне часто приходится слышать, что Сеть готовит гибель литературы и так далее... Ничего подобного, литература получает новый импульс от Интернета. Я, скажем, могу легко представить, как будет выглядеть моя домашняя библиотека через десять или двадцать лет. Там будут стоять три компьютерные книжки вместо этих бесконечных полок, которые занимают место. Одна «книжка» моя, вторая – «книжка» жены, а третья «книжка» будет немного большего формата и через нее можно будет рассмат-

ривать географические карты и, скажем, иллюстрации. Я смогу выбирать все – колонки, вид текста, шрифты. Если я буду читать «Войну и мир» где будет упоминаться сражение при Аустерлице, я просто нажму на кнопочку и узнаю все про Аустерлиц. Книгопечатание просто переместится в электронную форму.

Вы экранизируете самые разные режиссеры: Пол Верхуен, Адабашян, «Статского советника» будет делать студия Никиты Михалкова. Вы говорите, что, работая с разными режиссерами, просто пишите стилистического разнообразия. Но ваш террорист Грин из «Статского советника» вызывает неоднозначные чувства. Вы не боитесь, что Михалков с его известными взглядами сделает из него просто «зеленое чудовище» и все?

Да, мне хотелось бы стилистического многообразия. Мне хотелось бы, чтобы были разные режиссеры, чтобы разные актеры играли Фандорина. Я и романы стараюсь писать так, чтобы они были непохожи друг на друга. «Статского советника» будет снимать Олег Меньшиков, а не Никита Михалков, а у Олега Меньшикова совершенно другие политические взгляды.

Как вы оценили «Азазель» с размахом представленную на ОРТ?

Я считаю некорректным для себя обсуждение этого фильма. Я ведь был членом команды и писал сценарий, имел к проекту непосредственное отношение. Так что думаю, тут не мне стоит выносить какие-то оценки.

Вы часто говорите, что для вас очень важно время Александра Второго, что вы видите какие-то параллели с нынешней эпохой? В чем тут дело, – просто время относительной свободы? Но оно ведь, кажется, как-то выдохлось...

Семидесятые годы – это период, когда после тридцатилетнего царствования консервативного Николая Первого, после периода честно напоминающего наше завинчивание гаек, эти гайки внезапно отпустили, сделали это очень неумело и нескладно, в результате чего гайки разлетелись во все стороны и сам механизм разорвало. Сейчас в России происходит почти то же самое, часто наши политики наступают на те же самые грабли. Они никогда не учили толком истории. А история это правила человечества, одна из важнейших наук – тем более для страны, которую так шатает постоянно. Сейчас Россия стоит примерно на том же распутье, на котором она стояла на рубеже двадцатого века. Не хотелось бы, чтобы она опять пошла тем же ущербным ходом и врезалась в стену.

Говорят, поначалу ваши книги очень плохо покупали.

Это было связано с тем, что у меня был маленький издатель, у которого не было денег ни на рекламу, ни на то, что называют раскруткой. Книжки не покупали и потому, что у них обложки были не самые удачные. Потом их стали покупать. Самая действенная реклама, это когда тебе кто-то из знакомых говорит – купи эту книгу. Мне так говорили.

Вы очень быстро пишете, это редкость для России, даже для жанра качественного палла. Есть мнение, что это дань вашей первой профессии, вернее, это японская традиция – писать быстро.

Японцы очень добросовестные и трудолюбивые люди, к тому же малопьющие, в отличие от наших писателей. Японский писатель как заводной пишет один роман в год. Поскольку японцы живут очень долго – опять же в отличие от русских писателей, то иной японец за пятьдесят лет успеет написать пятьдесят романов. А наш писатель, если он написал за свою жизнь пять романов, он уже считается великим.

Что вы читаете?

Газеты я в общем не читаю. Мне кажется, у нас в стране нет хорошей газеты, газеты, которая меня бы устроила полностью. Из журналов я в последнее время читаю «Еженедельный Журнал», он мне как-то ближе по настроению, и там большой культурный раздел, что для меня тоже важно. Что касается литературы – поскольку я инвалид чтения, то я к художественной литературе отношусь сейчас иначе чем раньше. Три русских романа, которые я прочитал в рукописи, и которые произвели на меня впечатление, я собираюсь публиковать в серии «Русская литература» в издательстве «Иностранка». Это Леонид Костяков, Сергей Гандлевский и Григорий Петров.

